

Глава 1

Мяч в баскетболе тяжелый, и в том его прелесть: при броске вступают в дело мышцы всего тела. И мозговые извилины неплохо прокачиваются — в процессе расчета возможной траектории полета.

Мозговая активность в игре — первое дело, а потому Мартын работал головой на полную даже сейчас, когда никто не мешал ему бросать мяч в кольцо. Заключенных в спортзале было немного, только к теннисному столу очередь и к боксерским «грушам».

На силовую скамью спроса особого не было, авторитетный Альберт жал штангу, и никто не стоял у него над душой. Рядом с ним должны были топтаться его «быки», но мордастый Тайчик ожесточенно молотил «грушу», мысленно расправляясь с врагами своего шефа. И Пупырь куда-то пропал. Зато появились двое — из другого отряда. Косоглазого Клеща и малахольного Маза здесь вообще не должно было быть. Именно поэтому Мартын заподозрил неладное. И не зря.

События развивались стремительно, Клещ зашел к снаряду с одной стороны, Мазай — с другой. Альберт как раз отжимал штангу от груди, руки у него были согнуты в локтях, если Клещ и Мазай навалятся разом и не промахнутся, стальной гриф опустится ему прямо на горло и раздавит кадык. Тайчик даже отвернуться от своей «груши» не успеет, как все будет кончено.

Мяч в баскетболе тяжелый, и в том его прелесть. Чем больше масса тела, тем выше его кинетическая, считай, разрушительная энергия. Важна и скорость полета. Об этом подумал Мартын, запуская мячом в Мазая.

Мазай только схватился за штангу, когда тяжелый баскетбольный мяч с силой ударил его в голову. Мазай надавил на штангу, но слабо и не в том направлении. Эффект внезапности не сработал, и атакованный Альберт легко выровнял ситуацию, толкнув штангу на Клеща. Мартын подскочил к Мазая, подсечкой сбил его с ног, а Тайчик обрушил всю свою боксерскую мощь на Клеща.

Мартын подобрал с полу мяч, прицелился и забросил его в кольцо. Он сам по себе в этом зарешеченном мире, и его дело — сторона. Все восемь лет, проведенные в неволе, он придерживался этого принципа. Срок уже на исходе, скоро «звонок», а он жив-здоров и чувствует себя неплохо. Значит, все правильно делал. До сегодняшнего

дня. У Альберта серьезная заруба с Филимоном, а Мартын встрял в это дело. Как бы ответка не прилетела...

* * *

Квартира впечатляла — большая, под ключ, в новом доме, с видом на парк. До универа рукой подать: пятнадцать минут пешком для Москвы — не расстояние.

— Еще раз с днем рождения, дочка!

Мама улыбалась, но глаза у нее слезились. Настя все понимала, она и сама когда-нибудь заплачет, отпуская дочь в самостоятельную жизнь.

Насте исполнилось восемнадцать, она уже взрослая девушка и может обходиться без мамы. Вполне может. И даже хочет. Но почему-то у самой нос вдруг заложило, и слезы подступили к глазам.

— Я могу здесь остаться? — спросила она.

— Так сразу? — задумалась мама.

— Давай завтра?

— Ну, конечно, завтра!

Настя еще раз обошла квартиру. Круто! Одна комната представляла собой студию, совмещенную с кухней, в другой размещалась спальня; отделка и обстановка — полноценный «модерн». Но это для мамы обычное дело: уж если она за что-то взялась, то не успокоится, пока не доведет до со-

вершенства. Так она когда-то начинала свой путь в бизнесе — открыла маленький магазин и вырастила из него гипермаркет, затем второй, третий.

Замечательная квартира, но, честно говоря, ничего другого Настя и не ожидала. Можно сказать, она уже пережила свой восторг, поэтому немного заскучала. И захотела в свою комнату — в доме на Рублевке, там у нее уютно, и все пахнет детством и мамой.

Детство ей давно уже не интересно, и со своим старым другом Плюшем Потапычем она не спит уже с девятого класса. Хотелось бы чего-то более волнующего и романтического, но мальчики погорячей пугают ее воображение. Это как с парашютом, прыгнуть страшно, а дух захватывает от восторга. А ведь Настя когда-нибудь прыгнет. И с парашютом, и вообще. Приходит ее время, скоро можно будет все. И никакая мама с ее запретами не остановит...

Настя дала волю своему воображению, представила, как заходит в спальню после душа, скидывает халат, смотрит, а в постели — парень ее мечты. Внутри все налилось горячим соком, завибрировало, на ум почему-то пришла реклама нектара, от которого можно лопнуть. Щеки вспыхнули, во рту все пересохло.

Из квартиры Настя выходила, как будто бежала от пожара, который и отпугивал, и притягивал одновременно. Но все же больше пугал.

К машине она подходила под впечатлением от внезапного переполоха. И все еще думала о пожаре, который когда-нибудь охватит ее. А возле машины стоял и курил новый мамин водитель: располагающей внешности мужчина лет тридцати. Глаза такие синие, как будто линзы в них, прямой нос, высокие скулы, волевой подбородок. В его внешности удачно сочетались ухоженность и брутальность. Декоративная брутальность во всей красе. Именно такой мужчина мог поднести спичку к ее настроению, когда оно вдруг станет огнеопасным. От этой мысли Настя вспыхнула изнутри.

Водитель открыл дверь. Насте вдруг остро захотелось сказать ему «спасибо», но она сдержалась — из опасения выдать себя дрожащим голосом.

Ее хватил самый настоящий озноб, и мама почувствовала это.

— Ты не заболела? — спросила она, приложив руку к ее лбу.

При этом она посмотрела в затылок водителю, который уже тронул машину с места. На него же посмотрела и Настя. С удивлением. Странно, мужчина понравился ей, но при этом она уже не помнила, как он выглядит. Впечатление произвела внешность, но не сама личность, может, потому черты лица так быстро стерлись из памяти.

— Да нет, нормально все, — успокаиваясь, сказала Настя.

Мужчины — они как свежий ветер: пробегут мурашками по коже, а в душу не проникнут. Если окна закрыты. Но Настя и не хотела открываться навстречу всем ветрам. Пусть случайные мужчины остаются воздушными замками, красивыми, но без тепла и уюта, а она продолжит жить в своем мире, где и душевно, и комфортно.

— Это хорошо, что все нормально.

Мама еще раз посмотрела на нее, затем на водителя и тоже стала успокаиваться.

* * *

Чем крепче дерево, тем истеричней визжит пила, вгрызаясь в него. Острая пила берет его с истеричным визгом. Но вгрызается, режет, распиливая бревно на доски. Рабочий день только начался, работы много, но и сил, и терпения не меньше. Восемь лет Мартын тренировал свое терпение. Восемь долгих лет. Осталось совсем чуть-чуть, и на свободу — с чистой совестью.

Пила наткнулась на крепкий сучок, взвизгнула и пошла дальше. Но это в работе, а в жизни вышла поломка.

Восемь лет назад Мартын напоролся на свой сучок: застал подружку с любовником. И так тогда на душу легло, так раззуделось плечо да размахнулась рука... Сила удара измеряется в Ньютонах. Или в годах. Его удар потянул на целых восемь лет.

— Мартын!

Мишаня хлопнул по плечу, Мартын обернулся и увидел Альберта. Пожилой авторитет подходил к пилораме в сопровождении «быков». С Филимоном вопрос еще не решен — нельзя ему без свиты.

Появление Альберта — особый случай. Мартын это понимал, поэтому остановил станок. И посмотрел на вора так, чтобы не заглядывать ему в глаза. Вроде бы и на него смотрел, но мимо. В зоне пристальный взгляд — это своего рода вызов, а у него с Альбертом никаких трений, бодаться с ним смысла никакого нет.

— У тебя завтра «звонок», Мартын, — сказал Альберт.

Он мог позволить себе смотреть в глаза тяжело, напористо. За ним — сила и авторитет.

— Послезавтра.

— Коня надо бы на волю прогнать. — Альберт смотрел прямо в глаза, внимательно наблюдая за движением мысли.

Мартын мог бы задуматься, взвешивая за и против, но ему нечего было терять. Жены-детей нет и не было, с родителями отношения прохладные, им в общем-то все равно, что с ним будет. Ни кола, как говорится, ни двора. Делать нечего — ни днем ни вечером. Почему бы не помочь уважаемому человеку? На Новую Землю маляву передать? Не вопрос. Лишь бы путь-дорогу оплатили. И очень хорошо, если объяснят, в чем под-

вох. Чтобы не напороться брюхом на подводный камень.

Мартын кивнул:

— Прогоню.

Но Альберт прочитал его еще раньше. И ответ принял до того, как он сказал слово. И тоже кивнул — в знак одобрения. И благодарности — за вчерашний мяч и в счет будущей заслуги. Но при этом он требовал ответной благодарности. За то, что Мартына считают своим и к тому же надежным человеком. Абы кому столь важную миссию не поручат...

* * *

Ворота открылись с пульта, плавно откатились в сторону. Настя въехала во двор, нажала на кнопку брелока и бросила его в подстаканник у рычага переключения скоростей.

В гараж Настя заезжать не стала, возможно, она не останется на ночь, нужно же как-то обживать новую квартиру. Вчера там ночевала, и ничего плохого с ней не произошло. Равно как и хорошего.

Дверь в дом была заперта на электронный замок. Настя приложила к считывателю таблетку ключа, едва слышно сработал механизм.

В дом она зашла фактически бесшумно, во всяком случае, мамин водитель ее не заметил. Зато Настя увидела мужчину во всей его красе. Он стоял к ней боком, нижнюю часть тела скрывала спинка

дивана, а верхняя была обнажена. Мощная шея, на сильных руках бугрились трицепсы, напряжены были и мышцы спины. Он поступательно двигал бедрами, ногами упираясь в пол, его голая задница мелькала перед глазами.

И еще Настя заметила женские ноги с ярким красным лаком на ногтях, но на них она едва обратила внимание. Зато мужской зад мозолил глаза. Только вот возмущение почему-то сменилось восторгом, который горячей волной схлынул куда-то вниз живота.

Мужчина ее заметил, дернулся, как будто подъемный кран вонзил в него свой крюк, но от женщины не оторвался. Остановился, но на ноги подниматься не спешил. Блаженно-страдальческая гримаса сошла с его лица, губы тронула хоть и виноватая, но все же улыбка. На Настю он смотрел просительно, предлагая ей понять его и простить. И при этом давал понять, что на его месте мог бы оказаться каждый. А под ним могла бы оказаться и она сама.

Нет, он ничего ей не предлагал, но ее буйное воображение вырвалось из рамок приличий как злой джинн из кувшина.

— Что там такое?

Настя сначала услышала голос мамы и только затем увидела ее. Сначала показалась голова, затем обнаженные плечи.

— Настя! — Мама остолбенело смотрела на нее.

Водитель закрыл глаза и качнул головой, продолжая взывать к девичьему разуму. Да, так получилось, жизнь есть жизнь, мама тоже человек, все такое...

— Да ну вас!

Настя резко развернулась и, заливаясь краской, бросилась вон из дома. Села в машину, завела двигатель, но уехать не смогла. Ворота обесточили, а как переводить их в ручной режим, Настя не знала.

Ворота заблокировала мама. Она же вышла к Насте. Кое-как уложила растрепанные волосы, подкрасила губы, оделась, но лицо так и осталось распаренным, как после бани. Видно, хорошо задали ей жару.

Глядя на маму, Настя вдруг почувствовала зависть, и это еще больше разозлило ее. Мама должна быть идеалом, примером для подражания, а она ведет себя как дешевая потаскуха, мало того — развращает дочь. И это при том, что сама запрещает Насте дружить с мальчиками, а заодно сумела внушить ей отвращение к сексу и прочим безобразиям. Потому на личном поле — не расти трава. На воротах Настя стоит, но мяч ей забивать никто не торопится.

— Я тебе сейчас все объясню, — усаживаясь к ней в машину, сказала мама.

От нее слегка пахло коньяком.

Настя пожалала плечами. Может, и не надо ничего объяснять. Это у нее все еще впереди — найдет

себе достойного спутника жизни, выйдет замуж, будет первая брачная ночь, родится ребенок... А маме уже за сорок, ее солнце клонится к закату. Муж давно ушел от нее, оставив малолетнюю дочь и право на личную жизнь. Но дочь уже выросла, она взрослая девушка, и почему бы маме не скрасить свое одиночество?

— Но почему с водителем?

— Вадим не водитель! — мотнула головой мама.

— Разве?

— Ну, он, конечно, возит меня. Но не как водитель...

— Как бойфренд?

— Настя, мы не в Америке, у нас хорошего человека «френдом» не называют!

Настя улыбнулась одной половиной лица. Мама у нее женщина современная, с юмором. И выглядит очень хорошо для своих лет, особенно после очередной диеты. За последнее время она заметно похудела, даже талия появилась. И двойной подбородок почти исчез. А ведь борьба с лишним весом давалась ей с огромным трудом. Но чего не сделаешь ради любимого...

— А он хороший человек?

— Очень.

— Я так и поняла, — фыркнула Настя.

— Ну, я не думала, что ты появишься, — мама отвела глаза в сторону.